

TIL VA ADABIYOT TA'LIMI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
MAKTABGACHA VA MAKTAB TA'LIMI
VAZIRLIGINING ILMIY-METODIK JURNALI

1991-yildan
chiqa boshlagan

2023-yil. 5-son

ISSN 2010-5584

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА
ДОШКОЛЬНОГО И
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Я ПРЕПОДАВАНИЕ
ЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

LANGUAGE AND LITERATURE
TEACHING

SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL JOURNAL OF THE MINISTRY
OF PRESCHOOL AND SCHOOL EDUCATION
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

til_adabiyot@umail.uz www.tilvaadabiyot.uz til_adabiyot@umail.uz www.tilvaadabiyot.uz til_adabiyot@umail.uz www.tilvaadabiyot.uz til_adabiyot@umail.uz www.tilvaadabiyot.uz

SIRDARYONING GULISTON SHAHRIDA III XALQARO
BAXSHILAR FESTIVALI BO'LIB O'TDI

Muqovaning 3-beti →

Ushbu sonda

DOLZARB MAVZU
Milliy ruh qo'rg'oni

3-
bet

TAHLIL
Nodira lirikasida bahor
tarannumi

17-
bet

TADQIQOT
Adabiyotni fan va san'at
turi sifatida o'qitishning
metodologik asoslari

32-
bet

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
Использование ЦОР на
занятиях по истории
русского языка

49-
bet

O'zbekiston Matbuot va axborot agentligida 2014-yil 19-dekabrda 0055-raqam bilan qayta ro'yxatga olingan.

2023-yil.

5-son.

TIL VA ADABIYOT TA'LIMI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
MAKTABGACHA VA MAKTAB TA'LIMI VAZIRLIGINING
ILMIY-METODIK JURNALI

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА
ДОШКОЛЬНОГО И
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Я ПРЕПОДАВАНИЕ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

LANGUAGE AND LITERATURE
TEACHING

SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL JOURNAL OF THE MINISTRY
OF PRESCHOOL AND SCHOOL EDUCATION
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Tahrir hay'ati:

Hilola UMAROVA
Dilshod KENJAYEV
Nizomiddin MAHMUDOV
Yorqinjon ODILOV
Nasirullo MIRKURBANOV
Jabbor ESHONQULOV
Valijon QODIROV
Baxtiyor DANIYAROV
Abdurahim NOSIROV
Tolib ENAZAROV
To'liqin SAYDALIYEV
Ravshan JOMONOV
Zulxumor MIRZAYEVA
Qozoqboy YO'LDOSHEV
Tajixon SABITOVA
Salima JUMAYEVA
Nilufar NAMOZOVA
Qayum BAYMIROV
Lutfullo JO'RAYEV
(bosh muharrir o'rinsosari)

Bosh muharrir

Bahodir JOVLIYEV

Sahifalovchilar:

Akmal FARMONOV
Gulnoza VALIYEVA

Nashr uchun mas'ullar:

Nilufar NAMOZOVA
Nigora URALOVA
Yuliya MUSURMANOVA

Tahririyat manzili:

100038, Toshkent shahri
Matbuotchilar ko'chasi 32-uy.
Telefon: (98) 121-74-16,
(71) 233-03-10, (71) 233-03-45,
(71) 233-03-67.
e-mail: til_adabiyot@mail.uz
web-sayt: www.tilvaadabiyot.uz

Jurnal dan ko'chirib bosilgan maqolalar "Til va adabiyot ta'limi" dan olindi, deb izohlanishi shart.

Jurnal da nashr etilgan maqolalarda mualliflarning tahririyat nuqtayi nazariga muvofiq kelmaydigan fikr-mulohazalari bosilishi mumkin.

Tahririyatga kelgan qo'lyozmalar taqiriz qilinmaydi va muallifga qaytarilmaydi.

Mualliflarning ismi va familiyasi shaxsini tasdiqlovchi pasportiga muvofiq yoziladi.

Bosmaxonaga. 2023.30.05. da topshirildi. Ofset usulida chop etildi. Qog'oz bichimi 60x84/8. Shartli bosma tabog'i 6,0. «Arial» garnituras. 10, 11 kegl. «ECO TEXTILE PRODUCT» MCHJ bosmaxonasida chop etildi. Manzil: Toshkent sh. Mirobod tum., Matbuotchilar ko'chasi 32-uy. Buyurtma ___ Adadi 3650 nusxa. Bahosi kelishilgan narxda.

MUNDARIJA

DOLZARB MAVZU

Qozoqboy Yo'ldoshev, Yormuhammad Madaliyev. Milliy ruh qo'rg'oni 3

ILG'OR PEDAGOGIK TEXNOLOGIYALAR

Lola Shasaidova. Xitoy tili mustaqil ta'limida blog-texnologiyalardan foydalanishning ahamiyati 5
Zilola Salisheva. O'zbek tilini ikkinchi til sifatida o'qitishda matn bilan ishlash 8
Mahliyo Jakbarova. Ona tili darsliklarida nutq so'zlashga o'rgatish bo'yicha o'quv topshiriqlar tahlili 9
Muhabbat Otaniyozova. Developing students' critical thinking skills in EFL classes 11
Dilfuza Yuldasheva. Kommunikativ kompetensiyani rivojlantirishda kasbiy tamoyilning ahamiyati 13
Dilshod Muhitdinov. Enhancing awareness of pragmatics in teaching 15

TAHLIL

Malikaxon Nurutdinova. Nodira lirikasida bahor tarannumi 17
Hamida Jabbarova. O'zbek va ingliz tilida "tilak+xayrlashuv" nutqiy etiket formulasi tahlili 19
Nilufar Umirzakova. Televizion jurnalistikada vizual va ifodali vositalar 20
Umida Jalilova. Abdulla Qahhorning "Dahshat" hikoyasidagi lisoniy imkoniyatlar 22
Lola Kodirova. Difficulties with social studies for students with limited English proficiency 24

TADQIQOT

Rahmatullo Ro'ziqulov, Maysara Eshniyazova. Veterinariya va chorvachilik sohasida "O'zbek tilining qo'llanishi" fanining o'rni 25
Shohruh Abduraimov. O'qib tushunish ko'nikmasi va uni baholashning tajribaviy tadqiqi 29
Saodat Kambarova. Adabiyotni fan va san'at turi sifatida o'qitishning metodologik asoslari 32
Laylo Toshboyeva. Sharq va g'arb mamlakatlarida turli davrlarda turizm sohasining rivojlanish tarixi 34
Nilufarxon Mahmudova, Munajatxon Mamajonova. Telefon aloqa tarmog'i terminlari izohli lug'atini yaratish va terminlarni tartibga solish 36
Rafiqjon Zaripov. Tilni rejalashtirish 38
Sunbula Menglieva. Forming cadets' lexical skills in teaching English 40
Bakhtiniso Turakulova. Critical reading comprehension strategies and their foundations 42

KICHIK TADQIQOT

Shahnoza Qahhorova. Navoiy "Xamsa"sida fano talqinlari 43
Aziza Pirmatova. Pedagogical potential of interactive technologies in motivation for learning a foreign language 45
Malohat Jalaldinova. Postmodern adabiyotining o'ziga xos xususiyatlari 46
Zilola Alibekova. O'zbek va ingliz tillarida muhabbat tushunchasi va uning lingvomadaniy xususiyatlari 48

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАТЕЛЯ

Светлана Им. Использование ЦОР на занятиях по истории русского языка 49
Махфуза Ахмедова. Роль народных языковых средств в развитии речевой компетенции младших школьников в процессе обучения русскому (родному) языку 50
Дилафруз Назарова. Педагогическая организация – важная ступень в реализации технологии личностно-ориентированного обучения 53

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Латиф Носиров. О структуре лексико-семантической группы «напитки» в русском и узбекском языках 55

ИЗУЧАЕМ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Камилла Дана. Особенности преподавания транслитерации китайского языка как иностранного 57
Гулноза Сабирова. Технология формирования иноязычной речевой компетенции школьников посредством Веб 2.0 технологий 59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зухридин Нуридинов. Семейные ценности в произведениях Л.Н.Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» 63

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ОБЩЕНИЯ

Гульчехра Давлятова. Значимость риторики для гуманитарных наук 65

К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА

Андрей Кучинский. «И к будущему выходя навстречу...» 67

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Азиза Муминова, Альфия Галимова. Коммуникативно-прагматическая ситуация в дискурсе рекламы 69
Александра Екабсон. Ремарки в пьесе Василия Сигарева «Пластин» 71
Марина Бокарева. Актуализация понятия параболичности в прозе Т.Пулатова и У.Хамдама 73
Насиба Хайдарова. О мифопоэтике пространства в русской литературе Узбекистана: от хронотопа М.Бахтина к топохрону М.Эпштейна 76
Надежда Локтева, Диляра Балич. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов русскоязычной и американской литературы 78

TIL VA ADABIYOT

TA'LIMI

Я ПРЕПОДАВАНИЕ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

LANGUAGE AND LITERATURE
TEACHING

jurnali

O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasining
Filologiya va Pedagogika fanlari bo'yicha doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy
natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrdir.

Марина БОКАРЕВА,

старший преподаватель Бухарского государственного университета

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПАРАБОЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ Т.ПУЛАТОВА И У.ХАМДАМА

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа параболности как художественного приема в современном тексте. Интерес к данной проблеме обосновывается спецификой постреалистического дискурса, многообразием авторских стратегий, способностью современного реализма к синтезу. Рассматриваются трансформация и репрезентация черт параболности в прозе русских, узбекских и зарубежных писателей.

Ключевые слова: парабол, притча, логизированная метафора, реальность и символика, художественная условность.

Annotation. The article attempts to analyze parabolicity as an artistic device in a modern text. Interest in this problem is justified by the specifics of post-realist discourse, the diversity of author's strategies, and the ability of modern realism to synthesize. The transformation and representation of parabolic features in the prose of Russian, Uzbek and foreign writers is considered.

Keywords: parabola, parable, logical metaphor, reality and symbolism, artistic convention.

С начала 80-х годов XX века в литературоведении повсеместно вошло понятие параболности, в определенной степени ставшее распространенным, «модным» ввиду того, что применялось к различным произведениям, подчас не соответствующим академическому определению самого понятия. Критики, не аргументируя, впрочем, своей мысли, усматривали параболный смысл в некоторых коллизиях романа П.Куусберга «Капли дождя»; отмечены также особенности параболной композиции в романах «Вечный зов» А.Иванова и «Судьба» П.Проскурина, и потому актуальна необходимость определить истинный смысл термина и актуализировать его на примере современного постреалистического дискурса.

Под параболностью обычно подразумевается такое качество реалистической экзистенциальной прозы, благодаря которому произведение с философской и духовной точки зрения включает в себя нечто большее, чем непосредственно изображенное в произведении. Это должен быть ответ на «вечный» вопрос, выход к главным закономерностям бытия. К.Султанов в связи с этим отмечает, что параболность предполагает удаление от данного с тем, «чтобы вернуться к нему на уровне философского постижения, выявляя вечное во временном» [1, с. 50]. Потому очевидной параболностью отмечены «Старик и море» Э.Хемингуэя, «Прощай, Гильсары» Ч.Айтматова, «Пастух и пастушка» В.Астафьева.

Многие притчевые произведения имеют традиционный реалистический сюжет, однако конечная художественная цель такого произведения состоит не в бытовой и психологической полноте изображения: внутреннее напряжение сюжетных коллизий устремлено к этическим первоосновам человеческого существования. Так происходит в новелле «Старик и море» Э.Хемингуэя: одни читают только рассказ о тяжелом труде бедных рыбаков, другие видят лишь притчу о тщетности и несостоятельности человеческих желаний. Однако в повести есть и то, и другое, слитые воедино; благодаря такой слитности и создается значительность произведения, осуществляющей проверку заданного тезиса с сохранением ближней и дальней перспективы. У.Фолкнер называл это произведение Хемингуэя лучшим из всех именно потому, что, по его мнению, автор нашел в нем то, что

до сих пор «не находил, а именно – бога. До этого времени его герои действовали в вакууме, у них не было прошлого...» [2, с. 214]. Далее писатель отмечает, что все персонажи повести (Старик, Большая Рыба, акула) созданы богом именно для того, чтобы однажды встретиться, выполнить свою миссию и привести человека к осознанию того, что бог любит их всех. Бог в этой трактовке Фолкнера – синоним рока и судьбы. И эта своеобразная концепция предвещенного круговорота стала для Фолкнера той философской концепцией, которая возникает как парабол, выявляя общее в частном, вечное во временном.

Обнаружение параболы в бытовом ряде возможно в том случае, если сам текст произведения содержит направляющие линии, указывающие на данный аспект. Исходя из этого, можно вывести два качества параболного произведения. Во-первых, его обзорность, т.е. подчиненность всех сюжетных поворотов развитию авторского тезиса. Подчиненность остается неявной в процессе чтения, пока осваивается «событийный ряд», но она была отчетливо ощущаема автором, заложена изначально, потому легко осознается после прочтения финальных слов произведения. Во-вторых, поливариантность, допускающая разные степени постижения мысли в амплитуде от «чистого быта» до «чистого умопознания». Перед читателем не басня с растолкованной назидательной концовкой, а развернутое художественное повествование. Таким образом, если нет объемного философского и экзистенциального вывода, не может быть и параболы.

Возможности художественной параболы весьма широки, поскольку она представляет собой логизированную метафору, органичную для образного мышления. Главная проблема для читателя и исследователя заключается в том, чтобы заметить или почувствовать, какие малозаметные «направляющие» сдвиги преобразуют внешне достоверное повествование в параболное, а также благодаря каким художественным средствам действие конкретных значений преобразуется в иносказательный смысл, где под словесный, буквенный символ можно подставлять любое значение. К примеру, в повести «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р.Баха явным знаком является авторский подзаголовок, определяющий жанр произведения: «повесть-притча»; направляющим же факто-

ром можно выделить эпиграф: «Невыдуманному Джонатану-Чайке, который живет в каждом из нас».

Следует отметить, что наибольшую способность к параболизации имеют исторические произведения, поскольку сам исторический материал создает необычный антураж, стимулирующий игру ума. К тому же поиск и обнаружение сходного в разных эпохах пробуждают мысли о вечном и временном, непреходящем и изменяющемся, способствуют философско-эмоциональной насыщенности параболического повествования. Л.Фейхтвангер – признанный мастер параболического подхода к историческому повествованию – в этой связи отмечал, что события, исторические факты, костюмы, «историческое одевание» в произведениях использовались им как «средство стилизации, средство создания простейшим способом иллюзии действительности» [3, с. 669]. Его персонажи решают все те же нравственные, философские проблемы, что стояли перед его современниками, и эта историческая дуга служит художественным целям создания параболы.

Последовательно использует в своем творчестве параболу Тимур Пулатов – подлинный мастер, у которого за неоспоримой пластичностью и реалистической достоверностью явственно ощущается глубокий символический пласт, символический смысл, образованный общими размышлениями о жизни. Как показывает художественная практика, параболы оказались для писателя Пулатова самым удачным типом повествования, в котором соединяются восточный образ мышления – с одной стороны и русская реалистическая проза – с другой, вносящая в стилистику, по словам самого писателя, «долю серьезного, глубокого, что всегда подразумевается под понятием “русская литература”». Большинство его повестей при всем их тематическом различии равно отмечены явным тяготением к условности. Но такой условности, которая не нарушает жизненные пропорции, не заменяет реальные фигуры эманацией, а опрощает жизненный материал, чтобы яснее сформулировать философскую мысль автора.

Сюжет произведения довольно прост: в центре повествования – одно действие, одна мысль, обнаруживающая свою интеллектуальную цель. Автор не передает свое первое впечатление или ощущение. Ломая и разрушая обыденное, он строит свой мир, не опасаясь обвинений в странности, обходясь при этом минимальным количеством деталей, чтобы яснее проявилась суть вещей. Так художник доносит и до читателя загадочность и величие каждой вещи всего мира. Г.Трефилова по этому аспекту прозы Т.Пулатова характеризует ее как философско-дидактическую: «Наложение поэтики иносказания на поэтику социально-бытового реализма превращает повести Т.Пулатова в одну из разновидностей философско-дидактической прозы, тяготеющей к жанру параболы» [4, с. 266]. Благодаря своеобразному совмещению реальности и символики в его повестях действительно возникает не поучение, как это свойственно притче, а раздумье, присущее параболе.

Довольно сложную систему параболических зеркал представляет автор в фантастико-притчевом романе «Черепаша Тарази», опубликованном в 1985 году,

более чем через десятилетие после написания. Незамысловатый сюжет интерпретирует тотемические мифы о происхождении людских племен от животных. Средневековый ученый Тарази пытается вернуть человеческий облик Бессазу, которого постиг танасух – превращение в черепаху. На короткое время Бессаз становится человеком, но вскоре вновь возвращается в примитивное состояние рептилии.

Философская глубина произведения начинает раскрываться уже с самого заглавия, поскольку смысловой акцент падает не на судьбу черепахи Бессаза, а на ученых и духовные поиски Тарази. Вообще, судьба Бессаза интересует автора в наименьшей степени, его перевоплощения в человека и обратно и страдания при этом не столь драматичны, сколь комичны. При этом драма творца, ученого и поэта Тарази трактуется в романе как драма всякого творчества, научного и художественного, так как это и есть безудержное стремление очеловечить, вдохнуть душу во всю неживую и живую природу. Главный герой – очень близкий автору тип «раздвоенного» человека – поэт и ученый. Как ученый, он пытается укрыться в отшельничестве, чтоб придаться размышлениям и научным поискам. Однако, как поэт, возвращается к людям, ибо поэтическая душа ищет отклика, нуждается в слушателе.

Как видим, ограниченные возможности сюжетного повествования не позволили бы тексту вырасти до формы и содержания романа, однако автор прибегает к синтезу различных элементов, благодаря чему произведение и обретает законченную форму философского романа-параболы. Это произведение особого рода, содержание которого отвечает от основного сюжетного ствола, преимущественно не за счет интриги, а за счет легенд, бурлесков, рассказов, диспутов – всего того, что усиливает роль интеллектуального философского начала. В силу тех же факторов герои романа скорее являются масками, нежели характерами персонажей.

Центральным аксиологическим вектором романа выступает «символ веры» Тарази, высказанный в диспуте с аскетом Асадуллою, о том, что вера в малое – дом, случайные маленькие радости – и есть «вера в саму жизнь, неизменно заключающую в себе достаточно светлого, чтобы еще теплилась душа» [5]. Перенеся действие романа в средневековые и в ирреальную обстановку, Т.Пулатов не уходит от современности, а погружается и впитывает ее. Отдельные параболические зеркала романа служат своего рода кодом для расшифровки других и потому более отчетливы. Символы и знаки раскрывают актуальные социальные смыслы современности из-под завесы вечности и законов природы.

Особая система символов в рассказах современного узбекского писателя Улугбека Хамдама позволяет говорить о параболическом сюжете. Через символику и синтетический сюжет автор знакомит читателя со своим неповторимым духовным миром. Сложно сказать, чьи рецепции можно отметить в выборе темы и стиля, повествования и структуры произведений. В его произведениях нашли отраже-

ние все аспекты коренных изменений, происходящих в современной прозе. Улугбек Хамдам ищет форму и смысл произведения внутри себя. Как отмечает Р.Рахмат, «когда читаешь его сочинения, не подумаешь ни о каком произведении всемирно известного писателя. Стиль, символы, страдания и духовные искания произведения – его собственные» [6, с. 7].

В некоторых рассказах писатель смог раскрыть уникальные стороны и возможности компактного жанра – рассказа. Синтез и гармония в них житейско-реалистических, фантазийно-романтических и мистико-божественных интерпретаций придают особый вид поэтике произведений. В частности, своеобразную трактовку этого синтеза можно наблюдать в рассказах «Пиала воды» и «Мусульманин». Притчевую тональность рассказов задает повествование от первого лица, форма монолога, а также пересказ сновидений. В этих рассказах ведущими являются интерпретация необузданного мышления, исследование человеческой психики, риторический вопрос в рефлексии, экспрессия речи, насыщенная эмоциональной выразительностью. Так, в рассказе «Пиала воды» описывается судьба человека, который собственной жизнью расплачивается за чашку воды.

Незатейливый сюжет рассказывает о юноше, доставляющем груз. Предпринятое путешествие – тривиальное событие, предваренное особым указанием нанимателя: никуда не сворачивать и нигде не останавливаться. Герой-рассказчик видит в этом путешествии некую высокую миссию. Однако в пути, поддавшись физической потребности в воде, изнывая от жары и жажды, герой свернул на постоянный двор и выпил лишь одну чашку воды. Оказалось, что цена ее непомерно велика: в очереди в кассу он потерял свою молодость, все свои возможности и свою жизнь. Особую драматичность приобретает осознание героем, что на протяжении всего предыдущего пути он искал себя. Потеря собственного «я», осмысленности выбранного места в жизни, представленного писателем в виде изменений внешности героя, старения, немощи и худобы, физической и моральной деградации как раз и составляют смысл художественной параболы данного рассказа. Когда герой возвращается к своей арбе, вода, капающая из кувшинов в его поклаже, открывает его мысленный взор.

Богатые духовно-психологическими интерпретациями образы ясно передают состояние персонажа, при этом риторические вопросы и формы обращения превращают читателя из стороннего наблюдателя в участника реальности произведения. Как отмечает литературовед У.Норматов, «если вы посмотрите на рассказы Улугбека Хамдама, то убедитесь, что художественное мышление автора постоянно меняется и обновляется, а масштаб всё более и более расширяется» [7, с. 425].

В еще большей степени символика конструирует параболический смысл в рассказе «Мусульманин», ставящем вопрос религиозности, веры и реальной жизни между братьями-близнецами Хасаном и Хусаном. Художественная коллизия репрезентируется на подходе к проблеме долга перед человеком. На протяжении всего произведения выражение и интерпретация событий, споры, происходившие между реальностью и отчасти

таинственно-магической странностью, в конечном счете заключаются в приоритете человеческих усилий. В рассказе контрастным образом показана интерпретация двух миров двух людей, двух детей одних родителей, даже рожденных в одно время, живущих в одной среде. Два разных взгляда на одну и ту же проблему, каждый из которых имеет свою основу.

Однако какое значение имеют эти принципы перед добром, перед человечеством? Это выясняется в ходе развития повествования. Один брат видит истинную веру в искренней молитве. Он ни на что не хочет отвлекаться во время молитвы: «Сначала молитва, потом помощь» – это стало его ежедневным девизом» [8, с. 14]. Другой же считает первостепенными добрые дела. Он проявляет добро к другим настолько, насколько может. Каждый поступок, разговор и спор близнецов сопровождаются присутствием странной птицы. Сначала этот второстепенный персонаж представлен в рассказе как обычная птица: «Когда я пришла, птица не могла уйти со двора...». В ходе повествования читатель становится свидетелем того, как птицы, сопровождающие героев, трансформируются в символический образ: «Они похожи на всех, но это другие птицы!» [там же, с. 20].

Образы птиц, сопровождающие героев на всем их пути, а также то, что у каждого брата свои птицы, символизирующие разные аспекты их бытия, содержат аллюзию на поэму Алишера Навои «Язык птиц» [9]: «птицы кружили наверху и разговаривали на своем языке».

В итоге к финалу рассказа стягиваются все направляющие сюжетные оси: человеческое бытие в праздности и деятельности; истинность веры человека в неукоснительном следовании расписанию молитвы, самого ритуала или в безвозмездной, искренней помощи людям, самоотверженном служении им; связь человека и природы (присутствие птиц); взаимосвязь всего в природе и мироздании (как только птицы исчезают из виду, абрикосовые деревья начинают сбрасывать свои белые цветки).

В финале рассказа звучит жизнеутверждающая фраза: «Если дерево не установит цветы, то птица всё-таки вернется...» [8, с. 29]. Таким образом, складывается вывод о том, что бинарные позиции в рассказе неслучайны: братья-близнецы с традиционными именами (Хасан–Хусан); птицы – символы веры и добрых дел; деревья в цвету и сбросившие цвет, символически раскрывающие единство молитвы, веры, конкретных человеческих дел (если чистая и искренняя вера – это цветок, то добрые дела – его плоды). Через древние символы автор доносит до современного читателя в качестве послания свои философские наблюдения.

Очевидно, насколько разнообразны объекты параболического видения писателей, посредством которых реализуется параболы как художественный прием: в сознании читателя непосредственно сопрягаются социальное и всечеловеческое, вечное и актуальное, личностное и родовое, природное и общественно детерминированное. Будучи глубоко индивидуальным, художественный опыт Т.Пулатова знаменателен для глубинных тенденций современного литературного процесса. Одновременно с этим, хотя круг тем в творче-

стве писателя Улугбека Хамдама не столь широк, он приобретает особую значимость в связи с освещением и осмыслением в нем новых, актуальных проблем на основе глубокого философского подхода и наблюдения. Тимур Пулатов и Улугбек Хамдам, продолжая традиции узбекского сказительства, обнаруживают новшества в вопросах формы, выбора образов, обращения к модернистским и постмодернистским интерпретациям.

В частности, новаторскими по стилю повествования, завершающимися неожиданной разгадкой, глубоким осмыслением феномена катарсиса независимо от национальности и возраста, являются фантастико-философские и притчевые жанровые формы писателей. Особую художественную силу придают произведениям гармоничные и смелые сочетания и интерпретации мифологических, религиозных и философских взглядов.

Литература

1. Султанов В. Владения души // Литературное обозрение, 1978, №1.
2. Фолкнер У., Палиевская Ю. О литературе. Составление, перевод и комментарий Ю.Палиевской // Вопросы литературы, 1977, №1.
3. Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 12 томах, т. 12. М., 1968.
4. Трефилова Г. Протяженность луча // Новый мир, 1977, №12.
5. Пулатов Т. Черепаха Тарази. Роман. 2004.
6. https://ziyouz.uz/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=470:2012-09-05-07-25-20&catid=42:2012-09-02-10-17-21&Itemid=55
7. Норматов Ю. Большие возможности малого жанра // Песня о Родине. Ташкент: Академнашр, 2014.
8. Хамдам У. Рассказы. Пер. С.Камилова / Библиотека www.ziyouz.com
9. Навои А. Язык птиц / <https://libcat.ru/knigi/poeziya/poetry-east/413832-alisher-navoi-yazyk-ptic.html>

Насиба ХАЙДАРОВА,

доктор философии по филологическим наукам,

заведующая кафедрой Андижанского государственного института иностранных языков

О МИФОПОЭТИКЕ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УЗБЕКИСТАНА: ОТ ХРОНОТОПА М.БАХТИНА К ТОПОХРОНУ М.ЭПШТЕЙНА

Аннотация. В статье раскрываются особенности мифопоэтического пространства в художественном тексте русскоязычной прозы Узбекистана, представляющей собой специфическую лакуну в русском литературном процессе XX века. Обосновывается тезис о том, что художественный мир «русской прозы» Узбекистана способен вбирать в себя ключевые моменты культурно-мифологического миромоделирования на стыке таких проблем, как проблема жанра, героя, мотива.

Ключевые слова: мифопоэтика, пространство, топос и локус, хронотоп и топохрон, мифопоэтизация пространства, русская, «русскоязычная» литература Узбекистана, русская проза Узбекистана.

Annotation. The article reveals the features of the mythopoetic space in the artistic text of the Russian-language prose of Uzbekistan, which is a specific gap in the Russian literary process of the 20th century. The thesis is substantiated that the artistic world of "Russian prose" of Uzbekistan is able to absorb the key moments of cultural and mythological world-modeling at the intersection of such problems as the problem of genre, hero, and motive.

Keywords: mythopoeitics, space, topos and locus, chronotope and topochrone, mythopoeticization of space, Russian, "Russian-language" literature of Uzbekistan, Russian prose of Uzbekistan.

Актуальным представляется вытеснение теоретического тезиса «хронотоп», введенного М.М.Бахтиным, «топохроном» М.Эпштейна, т.е. «обнаруживается любопытная закономерность: хронос вытесняется и поглощается топосом. Хронос стремится к нулю, к внезапности чуда, к мгновению... эсхатологического преобразования, а топос, соответственно, стремится к бесконечности, к охвату огромной страны, континента, а далее и всего мира. Хронотоп здесь превращается в топохрон, время опространствлено...» [1, с. 28], вырисовывается лишь «движение народа по равнине...» [там же, с. 86]. Так, витальные вопросы появляются и решаются героями в пространстве – в топосе степи, равнины. Время в прозе В.Г.Яна условно, оно лишь указывает на историческую достоверность описываемого автором в тексте, оно вторично по отношению к месту, в котором разворачиваются главные события повествования. Определенные временные границы (утро, день, вечер, ночь) или исторический год, время года и т.д. в тексте романной трилогии встречаются для уточнения происходящего.

«Хронотоп» как время–пространство в их единстве строится именно в таком порядке: «хроно-топ». Если мотивировать его приоритетом времени в определенных структурах, то следует допустить и обратный порядок, где пространство доминирует над временем, – «топохрон»... через обращение топохрона в хронотоп формируются стереотипы действия [2, с. 28]. В исторической прозе В.Г.Яна пространство формирует не только «стереотипы действия» героев, но и тип героя. Природный и урбанистические тексты прозы В.Г.Яна выступают в роли «памятника культуры», пространство природы и города – жизненное пространство – ценностный ориентир [1, с. 26], а также сложно организованной культурно-исторической пространственно-временной структуры [3, с. 187], непосредственно влияющей на романную событийность, раскрытие сюжета.

Природный и урбанистические тексты формируют определенные стереотипы и поведенческие характеристики героев, диктуемые пространством. На это указывают многократно воспроизводимые в тексте В.Г.Яна паремии, выступающие в роли